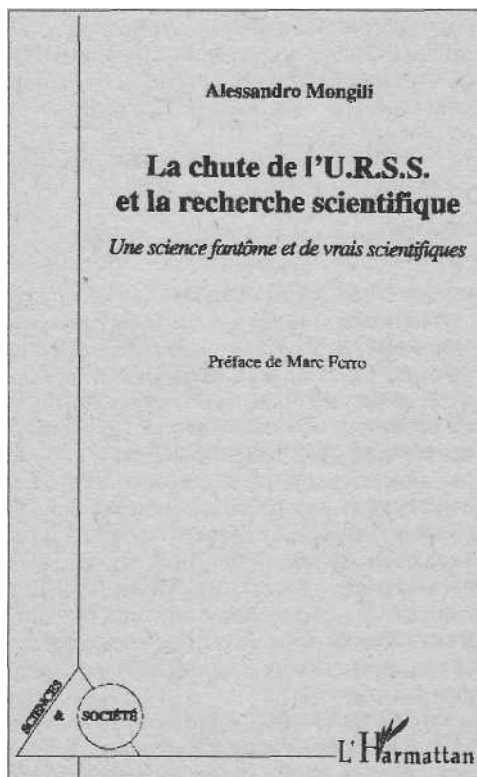

Alessandro Mongili. La chute de l'U.R.S.S. et la recherche scientifique: une science fantôme et de vrais scientifiques / Préface de Marc Ferro. Paris et Montréal: L'Harmattan, 1998. — 330 p.

Читатели ВИЕТ уже знакомы с исследованием Алессандро Монджили, легшим в основу рецензируемой книги, а сотрудники ИИЕТ, возможно, помнят и самого исследователя. Осенью 1988 г. молодой ученый с Сардинии, в то время писавший диссертацию в Париже, впервые появился в коридорах института. Он посещал

семинары и ученые советы, беседовал со слегка ошарашенными, но доброжелательно настроенными сотрудниками, — словом, проводил «полевое исследование». Его «объектом» стали сам ИИЕТ и центральный проект института — науковедение. А. Монджили интересовало все: от физического пространства, т.е. здания, в котором помещался и помещается ИИЕТ, и бытовых ритуалов его сотрудников — чаепитий и празднований «женского дня» — до советско-польского симпозиума 1966 г., с которого науковедение в нашей стране отсчитывает свою историю. В результате появилась диссертация, реферат которой был опубликован в первом номере ВИЕТ за 1995 г. [1]. Там же был помещен пространственный комментарий Н. И. Кузнецовой [2].

Вышедшая через три года книга в основном повторяет диссертацию, так что получить представление о ней можно, заглянув в журнальную публикацию. Необходимо, однако, заметить, что в реферате некоторые разделы диссертации остались не отраженными — например, последний раздел, «Наука западная и наука советская», и приложение, содержащее замечания автора об особенностях применения социологических методов для исследования другой культуры. По сравнению с диссертацией, в книгу вошли новые части — предисловие историка России М. Ферро и заключение автора; поставлены новые акценты, в частности, из-за полемики с критиками, в основном с автором комментария в ВИЕТ Н. И. Кузнецовой.

А. Монджили рассматривает историю науковедения и ИИЕТ преимущественно в терминах социальных. Как считает автор, в возникновении науковедения роль социальных реалий особенно очевидна: эта дисциплина создавалась для того, чтобы, «благодаря использованию точных количественных методов», дать, «во-первых, рамку мультидисциплинарным исследованиям научной деятельности и, во-вторых, научное обоснование планированию в области науки» [1, с. 118]. Невыполнением этих задач объясняется «крах» науковедения, который, как считает автор, произошел на рубеже 1970-1980-х гг. В науковедении, как думает А. Монджили, был особенно силен административно-бюрократический элемент — именно поэтому в подзаголовке книги эта дисциплина названа наукой-«фантомом». (Т.к. науковедение для автора — частный случай организации науки в бывшем СССР вообще, то эпитет «фантомный», по-видимому, относится и ко всей советской науке.) Исследователь видит в науковедении политически заостренный проект, авторы которого выбрали подчеркнуто русское имя, чтобы подчеркнуть его отличие от «буржуазной» *science of science*. Идеологическими причинами объясняются такие черты советского науковедения, как его недостаточная связь с эмпирией, схоластичность, нежизнеспособность. Тем не менее, проект науковедения, как и сам ИИЕТ, дал многим исследователям науки необходимую в 1960-1980-х гг. «крышу» и даже сохранил целые дисциплины, например социологию науки.

Как и историю всей советской науки, историю науковедения, считает автор, можно описать как взаимодействие разных групп интеллигенции, а именно «бюрократов» и «настоящих ученых». Эта негласная борьба приводит к складыванию устойчивой конфигурации власти: «бюрократии» — чины и публикации, «настоящим ученым» — авторитет в научном сообществе и преданные ученики. Общей для науковедения и для советской науки в целом является такая черта, как преобладание «устной культуры» — научных дискуссий — над публикациями, в частности, важная роль семинаров для исследований и подготовки научной молодежи. Автор

также описывает общие особенности «научного быта» — распределение институционального пространства, отношение учитель—ученик, место, которое занимают женщины в научном сообществе и т.д.

Кроме анализа науковедов как социальной группы и описания их «быта», А. Монджили пишет о характерной для первого поколения науковедов «особой эпистемологической традиции». Эта традиция частично вырастает из советской версии марксизма, частично — из философских семинаров 1960-1980-х гг., в том числе Московского методологического кружка. Хотя эта философская и исследовательская традиция дала импульс дискуссиям о создании новой дисциплины, она, с точки зрения А. Монджили, не всегда конструктивна. Противоположная философскому и культурному релятивизму, эта традиция, как считает автор, не допустила развития в науковедении других подходов. Одна из главок книги А. Монджили так и называется: «Почему релятивизм не приживается в России?»

Одно из достоинств книги в том, что она хорошо и остроумно написана. С помощью метода «иронической дистанции» автор создает эффект «остраннения» знакомых реалий, давая основу их нового понимания. Это достигается остроумным подбором эпитетов к каждой главе и выбором акцентированного языка описания. Но последнее, как мне кажется, — палка о двух концах. Конечно, описание никогда не бывает нейтральным, но вот термин, вводимый А. Монджили, — «методологическая одержимость» — имеет почти клинические оттенки. Неудивительно, что он вызвал наиболее пространную ответную реплику Н. И. Кузнецовой. Та черта, которую автор называет «методологической одержимостью», для непосредственного свидетеля событий выступает совсем по-другому, означая то живое, что было в академическом мире брежневского периода. Речь при этом идет не только о ностальгии по прошлому, но и о вошедших в плоть и кровь «нормах и образцах исследовательской работы», на которых сформировалось целое поколение науковедов. В своих комментариях Н. И. Кузнецова показывает истоки и историю «методологической одержимости», и этот анализ мог бы приго-

даться в книге А. Монджили. (Тем не менее, мне кажется, что автор больше реагирует на «нервные», по его словам, замечания в собственный адрес, чем на суть анализа. См. прим. 112 к с. 242.)

Другим пунктом расхождения исследователей стал вопрос о статусе знания. А. Монджили придерживается идей школы М. Фуко о знании как форме социального контроля. С точки зрения этой школы, вся история идей должна быть раскрыта как их социальная генеалогия. Н. И. Кузнецова же, воспитанная в традиции философии науки, заявляет о своей верности классической эпистемологии и ее «основному вопросу» — об истинности знания. Она считает, что предложенное А. Монджили описание должно быть дополнено «историей науковедения как историей его идей» [2, с. 145]. (Замечу в скобках, что, допуская взаимодополнительность двух изображений, она, как мне кажется, *defacto* проявляет бóльшую склонность к культурному релятивизму, чем «релятивист» Монджили.) Исследовательница не оставляет надежды на то, что эклектичное *научно-ведение* со временем превратится в теоретическую дисциплину *научно-логию*. Это может произойти, если «релятивистская» область *science studies*, пришедшая на смену мечтам 1960-х о единой *science of science*, будет «доработана теоретиками» до общей модели науки [2, с. 145].

Для историка А. Монджили науковедение — проект прежде всего исторически и культурно ограниченный, который только и можно изучать постольку, поскольку ему пришел, конец. Для философа-науковеда Н. И. Кузнецовой это проект действующий, а описываемые в книге события — часть жизни, «источник идентичности». Тем не менее нельзя сказать, что в ее комментариях представлен только «наивный» взгляд изнутри. Наряду с впечатлениями очевидца в них присутствуют размышления и рефлексия. А. Монджили, однако, прочел комментарии как еще одну декларацию веры и верности науковедению (в чем с ним можно отчасти согласиться), восприняв их как свидетельство невозможности для создателей проекта посмотреть на него критически, «разыдентифицироваться» со своим про-

шлым. На этом основано, например, непонимание вокруг упоминаемого Н. И. Кузнецовой «романтического» образа науковедения. Она цитирует одного из коллег, который в начале 1980-х гг. сравнил науковедение с крылатым драконом на том основании, что и то, и другое — существо, невозможное с точки зрения законов природы, которое при первой же возможности вымрет. «Мы подшучивали над этим "Я-образом" нашей специальности, — пишет Н. И. Кузнецова, — и одновременно искренне гордились им». Не услышав иронии, А. Монджили отнесся к «крылатому дракону» всерьез, назвав его «священным животным» науковедов, «метафизическая вера» в которого якобы мешает им трезво оценить пределы своих знаний и временную и теоретическую ограниченность проекта (с. 268).

Разница ситуаций, в которых находятся оба исследователя, определяет разные взгляды на науковедение: с одной стороны, как на культурный феномен с четко определенными границами, к тому же отошедший в прошлое, своего рода историческую окаменелость, с другой — как на исследовательскую программу, руководство к действию. Но сам факт спора говорит о возможности понимания. И не случайно, т.к. и Н. И. Кузнецова, и А. Монджили — оба являются профессиональными исследователями науки, или, согласно употребляемой здесь терминологии, — науковедами. И книга А. Монджили, и полемика обоих исследователей в области «исторического метанауковедения» будут интересны самому широкому кругу читателей, от историков СССР до философов науки.

И. Е. Сироткина

Литература

1. Монджили А. Приключения науковедения: случай Института истории естествознания и техники // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 116-137.
2. Кузнецова Н. И. ИИЕТ как объект «полевого исследования» и сам по себе // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 138-145.